

Агафонова Марина Юрьевна

**ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ
В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ**

Специальность 09.00.11 - социальная философия

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук**

**Ростов-на-Дону
2003**

Работа выполнена в Институте по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Ростовском государственном университете на кафедре социологии, политологии и права.

Научный руководитель - заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор
Волков Юрий Григорьевич

Официальные оппоненты:

член-корреспондент РАН,
доктор философских наук, профессор
Дмитриев Анатолий Васильевич;
доктор философских наук, профессор
Пусько Виталий Станиславович;
доктор философских наук, профессор
Коновалов Валерий Николаевич

Ведущая организация - Институт философии РАН

Защита состоится 20 июня в 13.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам в Ростовском государственном университете (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, ИППК при РГУ, ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке РГУ (ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан 19 мая 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат социологических наук,
доцент

М.Б. Маринов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность **темы исследования**. В XX в. состоялись две мировые войны, в результате которых было уничтожено около 50 млн человек. Во второй половине века велась интенсивная подготовка к третьей войне, и в настоящее время нет никаких технических затруднений для уничтожения человечества вообще. На протяжении XX в. во многих странах мира произошли революции и гражданские войны. В итоге устанавливались тоталитарные политические режимы и диктатуры.

В связи с этим актуализируется проблема условий ограничения насилия. Уже более ста лет Гаагские конференции ограничивают право государства на исключительное решение вопросов войны и мира. В 1928 г. был подписан Пакт Бриана-Келлога, в соответствии с которым война ставилась «вне закона». Пакт не привел к моментальным практическим последствиям, но создал прецедент: *впервые в истории насилие в международных отношениях признавалось злом*. На протяжении XX в. нарастало сопротивление общества традиционным правам государства. В 1948 г. Декларация прав человека и гражданина (впервые сформулированная в эпоху Французской революции) получила статус международного правового документа. В соответствии с ней каждый человек должен знать, когда и при каких обстоятельствах к нему можно *легально* применять насилие. Однако воплощение в жизнь этого документа происходит в условиях борьбы. Многие государства формально его признают, но не собираются соблюдать. Следовательно, большинство жителей современного мира не ограждено от государственного насилия.

Однако, несмотря на эти ограничения, в мире продолжается *эскалация насилия*. Как объяснить это противоречие? Это противоречие не вытекает из объективных условий жизни, а провоцируется политиками, интеллектуалами, религиозными деятелями, журналистами. Они будоражат общество lamentациями о насилии, отвлекая ученых от строго теоретического подхода к данному социальному явлению. Современный чело-

век не в состоянии освободиться от влияния СМИ, которые сообщают о множестве фактов насилия. Потребителям СМИ внедряется в сознание стереотип: *насилие - всеобщее зло современного мира*. Система социальных наук тоже не в состоянии от него дистанцироваться и предметом их осмысления становятся проблемы социального порядка, гражданского общества, его интеграции и толерантности.

Таким образом, проблема насилия перемещается в центр социогуманитарного дискурса. Традиционно в социально-философском знании насилие в современном обществе трактовалось как *социальный процесс* с определенной природой и динамикой. В то же время осознается необходимость его изучения в познавательной сфере как социокультурного явления и деятельности всех институтов, занятых его воспроизводством: «Надо легитимизировать насилие в качестве ключевой исследовательской категории таких сфер познания, как социальная теория, когнитивная антропология, социальная эпистемология и социология знания. Нет нужды ограничивать сферу применения данной категории теорией политики, как обычно делает-ся»¹. В этой связи теоретически актуальным является исследование проблемы насилия в социальном познании как частного случая насилия в обществе вообще.

Степень разработанности темы. В истории социально-философской мысли насилие в обществе является предметом постоянной философской рефлексии как элемента социальной борьбы. Гераклит считал борьбу главной характеристикой бытия, а войну - отцом всего существующего. Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Макиавелли, Гоббс, Руссо, Кант и другие мыслители развивали концепцию действительности как постоянной борьбы, разрушения, насилия и уничтожения. Система Гегеля завершила многовековую дискуссию. Немецкий мыслитель рассматривал насилие как элемент позитивного права, следствие природной воли, которая есть «в себе насилие над в себе сущей идеей свободы; государство есть светское

¹ См.: Giddens A. The Nation-State and Violence. Cambridge: Polity Press, 1985. P. 43.

правление, которое служит орудием насилия, произвола и страстей»¹. Насилие - элемент разумной истории и необходимое условие становления человеческого самосознания, которое становится «сознанием для себя» путем отрицания *другого*. Влияние Гегеля ощущается до сих пор. Марксова теория революции, Ницшевская критика морали, Фрейдовские концепции супер-эго - значимые вехи в дискуссии о роли насилия в развитии человеческого рода. Эти теории создали предпосылки для рассмотрения насилия как главной категории анализа общества и истории в XX в. Мыслители разных направлений осознали, что оно не сводится к актам применения грубой физической силы, восстаниям, революциям, войнам. Насилие существует во всех сферах человеческих отношений, является реальностью повседневной жизни.

В современном социально-философском знании сложились различные представления о насилии. Формы рефлексии о насилии есть принципиальный спор двух традиций, по-разному объясняющих природу социального бытия.

Солитаристские концепции подчеркивают значение общей воли и согласия для сохранения целостности общества. Общие ценности (солидарность, взаимодействие, сотрудничество) и социокультурные институты (обычаи, право, культура в целом) связывают индивидов в гармоничную общность. Человеческие конфликты и социальные противоречия в солидаристских концепциях оцениваются негативно и подлежат исключению. Насилие как средство разрешения конфликтов рассматривается как проявление дисфункции социальной системы и необходимое зло. Его надо устранить из социальной жизни.

Конфликтные концепции полагают различия, противоречия и конфликты конституирующими элементами социально-исторической жизни. Противоположные интересы, социальные неравенства и конфликты способствуют существованию и развитию социального бытия. Они мобилизуют индивидов и стимулируют социальную динамику. Без них невозможны систем-

¹ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 62.

ные изменения. Поэтому восстания, революции и войны рассматриваются как необходимые и рациональные с точки зрения общества в целом. Насилие — атрибут социальной динамики.

Указанные положения — идеальные типы противоположных традиций в определении и понимании насилия. Эти положения являются *философско-мировоззренческим фундаментом* большинства философско-исторических, историографических, экономических, правовых, социологических, политологических и культурно-цивилизационных концепций. Он порождает спектр различных определений понятия «насилие».

На одном полюсе находятся *юридические* дефиниции, где насилие сводится к грубым физическим действиям одного человека в отношении другого, отрицательной квалификации таких действий и закреплению этой квалификации в системах права. В результате массовое легальное насилие, осуществляемое государством, выносится «за скобки» и берется под защиту. Таким образом, юридическое понимание насилия скрывает разные варианты этатизма. В любом случае берется под защиту данное государство и его аппарат (т. е. силовые, юридические, полицейские, дипломатические, разведывательные и властно-управленческие структуры)¹. Привилегии данных структур обычно закрепляются в законах.

На другом полюсе находятся дефиниции *структурного (системного)* насилия. Понятие «структурное насилие» введено И. Гальтунгом при конституировании предмета «исследования мира» и означает любое ограничение человеческого саморазвития. Насилие — это такое влияние на людей, в результате которого их актуальный уровень соматического и духовного развития меньше потенциального. Эти дефиниции вплетены в концепции социального развития. Они базируются на императиве свободного саморазвития индивидов, равенства возможностей, жизненных шансов и прав. В результате насилие отождествляется с отсутствием равенства и социальной справед-

¹ См.: Чешков МЛ. Неотатизм: мировые и локальные измерения // Политические исследования. 1996. № 2.

ливости. Любая социальная система в большей или меньшей степени затрудняет удовлетворение реальных и потенциальных потребностей индивидов. Поэтому ни одно общество не свободно от структурного насилия. Действия индивидов и групп, направленные на борьбу с ним, квалифицируются как полностью легитимные, хотя не всегда конституционные и легальные. Следовательно, насилие определяется как «применение силы либо разного рода угроз по отношению к определенным социальным субъектам или их собственности с целью запугивания и принуждения к определенным действиям»¹.

Таким образом, изучая насилие исследователь попадает в ситуацию *методологического выбора* между юридическим и структурным пониманием насилия. Юридические концепции ведут к оправданию государства. Понятие «структурное насилие» позволяет держать в поле зрения недостатки юридического (психологического, медицинского и т.д.) понимания насилия. Иными словами, концепция структурного насилия дает возможность рассматривать властно-управленческие, политико-юридические и идеологические институты государства как средства преступления.

Концепция «структурного насилия» породила в 1960—1970-е гг. дискуссии в академической среде европейских стран и стимулировала множество форм «контркультуры», направленной против «структурного насилия» современного государства. Однако эту концепцию трудно обосновать эмпирически. К тому же она входит в интеллектуальную жизнь России только на протяжении последнего десятилетия и еще не освоена отечественным обществоведением, не говоря о государственных институтах. Теории «зависимой» и «догоняющей» модернизации были популярны в Европе в 1960-1970-е гг. Теперь они нашли приверженцев и в России. Теоретики «зависимости» и «самобытности» эксплуатируют концепцию «структурного насилия» для легитимизации государственного насилия во имя «модернизации».

После Второй мировой войны западная социальная наука занималась апологетикой существующей политической сис-

¹ См.: Насилие // Социологический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 194.

темы. В состав этой апологетики входят популярные в нынешней России теории модернизации, модели валового национального продукта, теории групповых интересов и корпоративизма, теории социальных изменений и т. д.¹ Для полемики с этой тенденцией могут быть использованы работы некоторых западных специалистов по проблеме насилия в контексте глобальной войны - Р. Вайринена, Д. Гольдштейна, Р. Джилпина, П. Джонсона, Г. Жука, Р. Кеохана, Г. Модельского, Н. Смита, У. Томпсона, К. Уолца, К. Чейз-Донна, Р. Эшли. В отечественной социально-философской мысли проблема насилия традиционно рассматривалась в контексте теории социальной революции (А.С. Айзикович, В.Г. Афанасьев, М.А. Барг, В.С. Барулин, Б.Г. Григорьян, С.Я. Драбкин, Е.М. Жуков, В.А. Потоцкий, Ю.А. Харин, Е.Б. Черняк, В.П. Шелике).

В современных работах отечественных ученых проблема насилия рассматривается в рамках концепций динамики мира и войны. Основное внимание уделяется становлению гуманитарных основ культуры мира как новой важной синтетической концепции. Это позволяет осмыслить формирование культуры мира в контексте миропорядка XXI в. В этом аспекте раскрывается динамика сложной реальности «культуры войны», «культуры насилия» в сложной взаимосвязи с изменениями миротворческого потенциала человечества (А.В. Дмитриев, А.С. Капто).

Проблема насилия в познании, в том числе и социальном, пока недостаточно изучалась в отечественном социально-философском знании, затрагивались лишь отдельные аспекты этой темы и методика исследования. Особенно продуктивными оказались отдельные идеи и концепции, которые сыграли ключевую роль в конкретизации проблемы насилия в познании.

В области социально-философской методологии исследования наиболее существенными являются работы В.С. Степина, в которых обоснована необходимость конструктивного

¹ См.: *Малия М.* Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // *Отечественная история.* 1997. № 5; *Бирман И.* Анатомия полужизни // *Свободная мысль.* 1997. № 9.

введения абстрактных объектов и конструктивного обоснования моделей, включенных в состав теории¹. В.С. Степин расширяет горизонт проблемы насилия, фиксирует ее фундаментальный характер для понимания современной цивилизации и перспектив развития человечества. По его мнению, различия традиционной и техногенной цивилизации фиксируются в универсалиях культуры и связаны с пониманием человека, природы, рациональности, истины, власти и личности. Именно в культуре техногенная цивилизация породила многочисленные кризисы: «Наиболее уязвимой и требующей критического анализа является доминирующая в марксизме идея революционного преобразования мира - насилия как способа подчинения человеку природных и социальных обстоятельств. Эту идею можно интерпретировать и с позиций ее *социокультурных истоков*»². Однако идея о социокультурных истоках насилия нуждается в развитии на конкретном материале современной методологии науки.

Важную роль в определении понятия насилия сыграли работы А.А. Гусейнова, который показал, что юридическое и политическое понимание насилия не раскрывает его сути, поскольку большинство форм рефлексии о насилии в XX в. не вышло за пределы *абсолютистского и прагматического подхода*. В рамках первого насилие квалифицируется отрицательно и отождествляется со злом. В результате возникают две трудности: снимается проблема оправдания и конструктивного использования насилия; отрицание насилия выглядит как моральная программа, вступающая в конфронтацию с жизнью. Прагматический подход предлагает ценностно-нейтральное и объективное определение насилия, при котором оно отождествляется с физическим и экономическим ущербом. Такая интерпретация не дает критериев для решения вопросов об оправданности насилия и возможности его использования в опреде-

¹ Степин В.С. Становление научной теории. Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики. Минск, 1976.

² По «гамбургскому счету»: Интервью с академиком В.С. Степиным // Философия, наука, цивилизация. М., 1999. С. 360.

ленных ситуациях. А.А. Гусейнов предлагает решать эти проблемы на основе определения насилия как властно-волевого отношения между людьми, суть которого в узурпации свободной воли¹. Однако вопрос об оправданности насилия при таком определении остается открытым для рационально аргументированного обсуждения, что способствует выработке системы аргументов для реализации этой задачи.

Анализ роли насилия в европейских и российской социокультурных системах позволил Н.В. Мотрошиловой разработать понятие «внутрицивилизационного варварства», которое используется для характеристики российской цивилизации. Это понятие базируется на эмпирическом факте: по объему насилия и жестокости XX столетие превосходит самые кровавые столетия прежней истории. Насилие расширило поле действия и отражает двойственное отношение людей к нему - отрицание и одобрение одновременно. В СССР и других государствах произошло упорядочивание и легитимизация насилия. Современная Россия — наследник советской системы контроля над населением и легитимизации государственного насилия. Примордиальные формы насилия освободились от идеологических репрессий и прорвались к центру исторических подмоствок. Насилие стало обычным явлением и нормой современного общества, включая Россию. Внутрицивилизационное варварство — это сумма угроз, способная прекратить существование человечества и России как его составной части². Вместе с тем положение Н.В. Мотрошиловой о взаимосвязи насилия с рынком как форме «внутрицивилизационного варварства» нуждается в своем дальнейшем развитии.

Смена макроаналитической стратегии анализа науки в социально-философском знании (в рамках которой наука понимается как носитель прогресса и цивилизации) на микроаналити-

¹ Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 35-41.

² Мотрошилова Н.В. Варварство как обратная сторона цивилизации // Философия, наука, цивилизация. М., 1999. С. 256-269.

ческую позволила рассмотреть науку в социокультурном контексте. Главный вопрос данного направления исследований заключается в том, как властные отношения проникают в науку и к каким последствиям это приводит? Ответ на этот вопрос предлагается в работах А.П. Огурцова, который зафиксировал, что раскол современного научного сообщества на людей, пытающихся понять смысл и последствия своей деятельности, и людей, избегающих вопросов морального характера, связь науки с ВПК и властно-управленческими аппаратами государств на протяжении XX в. привели к острой критике науки и контрнаучному движению, которое оформилось в последние 20 лет. Автор полагает, что конструктивизм — главное направление микроаналитических исследований общества и науки: «Социокультурная реальность обладает лишь видимостью объективности - она квазиобъективна и представляет собой множество уникальных событий и ситуаций, значения которых всегда релятивны, незавершенны, соотносимы с личностными особенностями участников речевой коммуникации, с их фоновыми ожиданиями и неявными притязаниями». Последующее изучение конструктивизма может использоваться для анализа связи познания и насилия.

В работах зарубежных специалистов содержатся продуктивные концепции, интересные научные результаты и логические аргументы в пользу конструктивистского анализа общества и науки (А. Александер, Д. Блур, Р. Бойне, Ф. Брюннинг, П. Дюбуа, Д. Кеннеди, Р. Холмс, С. Хилл). В этих исследованиях отмечается, что социокультурная и микроаналитическая стратегия познания общества и науки приобрели наибольший размах в англоязычных странах (А. Джонс, К. Кнор-Сеттина, У. Коуч, У. Крон, Д. Лау, М. Ллойд, А. Макфарлейн, Д. Миллер, Д. Рейчз, Э. Сейд, Д. Тейхман, К. Тилли, С. Уолгер, Р. Фардон). Поэтому возникает необходимость критического освоения интеллектуальной продукции зарубежных коллег отечественными учеными.

¹ Огурцов А.П. Социальная история науки: две стратегии исследований//Философия, наука, цивилизация. М., 1999. С. 82.

Таким образом, социально-философский анализ проблемы насилия в познании обнаруживает разноаспектность и поливариантность разрешения данной проблемы. Основанием для более глубокого и систематического исследования этой темы являются положения: о социокультурных истоках насилия; о рационально аргументированном обсуждении вопроса об оправданности насилия; о взаимосвязи насилия с рынком как форме внутрицивилизационного варварства; о кризисе макроаналитических подходов в социальных науках и необходимости использования результатов микроаналитического анализа науки для изучения взаимосвязи насилия и познания. Развитие данных положений определяет исследовательскую перспективу работы.

Целью исследования является социально-философское осмысление проблемы насилия в социальном познании в социокультурном и социально-политическом аспектах.

В соответствии с этой целью решаются следующие **задачи**:

социально-философское осмысление теоретических интерпретаций концепций социального насилия во второй половине XX века;

разработка когнитивной модели изучения насилия в социальном познании на основе анализа основных методологических подходов к изучению проблемы;

выявление социокультурного аспекта места и роли насилия в социальном познании в контексте познавательных процессов и различных социокультурных системах;

анализ социально-политического аспекта проблемы как связи власти и легитимации насилия в социальном познании и влияния этой связи на использование знаний в процессе социальной манипуляции;

рассмотрение проблемы насилия в социальном познании как способов синтеза насилия, рынка и социогуманитарного знания и определение перспектив разрешения этой проблемы в современном обществе.

Объектом исследования выступает социальное насилие, **предметом исследования** — проблема насилия в соци-

альном познании в контексте развития современного социально-философского знания.

Теоретико-методологическая основа исследования.

В последнее десятилетие проблема насилия в социальном познании стала предметом исследования, прежде всего, неклассической науки. При этом изучение проблемы осуществляется по следующим социально-философским направлениям: насилие как категория и предмет научного познания; насилие как способ решения конфликтов различных образов мира и мировоззрений; мера эффективности насилия в манипуляции познавательными интересами и навязывании мировоззрения; влияние насилия на форму языковых игр и выбор теоретических моделей; насилие как основание социального консенсуса. Исследование этих аспектов проблемы осознается как необходимый этап на пути тотальной критики насилия как социального феномена и всех институтов, занятых его воспроизводством. Поэтому для изучения проблемы насилия в социальном познании целесообразно использовать конструктивистский подход, который отличается от объективистского антифундаментализмом, релятивизмом, постэмпиризмом, постпозитивизмом, постструктурализмом, историзмом, конвенционализмом, прагматизмом, социологизмом и постмодернизмом. Конструктивизм позволяет выявить социокультурные истоки насилия, опосредующие связь власти и легитимации насилия в социальном познании. Связь познания с насилием эмпирически подтверждается микросоциологическими исследованиями науки. Главная проблема данного направления исследований определяется констатациями, что дисциплинарные сообщества ученых создают интерпретации, которые трактуются как «истинные» и «обязательные» в определенных пространственно-временных условиях, а критерии истинности и общепризнанности являются основанием консенсуса в рамках дисциплинарного сообщества.

Научная новизна состоит в комплексном социально-философском осмыслении проблемы насилия в социальном познании в контексте существующих подходов к ее изучению.

В работе:

осуществлен сравнительный анализ отечественной концепции социальной революции и западной концепции глобальной войны, в рамках которых насилие рассматривается как необходимый элемент социально-исторических процессов, что не позволяет строго разделить силу и насилие;

определены основные методологические подходы к изучению проблемы насилия в познании и разработан соответствующий методологический инструментарий, позволяющий изучать взаимосвязь познания и насилия через «безвыходные ситуации» и «концептуальную тиранию»;

применена конструктивистская модель познания для изучения социальной природы насилия, позволяющая исследовать социокультурные истоки насилия и выявить способы формирования консенсуса дисциплинарных сообществ ученых;

показан социокультурный аспект изучения роли насилия в контексте познавательных процессов, и выявлена когнитивная эффективность насилия в условиях когерентности, консенсуса и эмпирической чувствительности открытых и закрытых социокультурных систем;

определен социально-политический аспект проблемы насилия как способ его властной легитимации в науке, включающий восстановление границы сфер разрешенного и запрещенного, проведен отбор информации, определен круг лиц, участвующих в познавательных дебатах, и создано пространство для различных типов дискурса и образов мира;

выявлена связь между насилием и актуальностью научного знания, выраженная в отражении властно-политических компонентов в категориях логики и теории познания, которые влияют на формы социального порядка, организации науки и эпистемологический выбор научного сообщества;

осуществлен анализ социальных проблем, порожденных насильственно-когнитивно-рыночным комплексом и показана опасность движения социогуманитарного знания в направлении взаимосвязи с насилием и рынком.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Господствующая тенденция в советской социально-философской литературе-детерминистская трактовка социальных и политических процессов - не позволяла рассматривать насилие как самостоятельный фактор социального развития. В зарубежном социально-философском знании насилие рассматривается в контексте взаимодействия экономических и военно-политических факторов как необходимый элемент социально-исторических процессов. Данные теоретические подходы не позволяют строго разделить силу и насилие, поскольку насилие не может быть объяснено без учета процессов и результатов деятельности государственных структур, чья сила сводится к положению государства в структуре мировой экономики.

2. Для строгого разделения понятий силы и насилия необходимо ввести концепции «безвыходной ситуации» и «концептуальной тирании». Насилие в познании - это намеренное навязывание властвующими индивидам, группам и целым обществам образа мира без их фактического или предполагаемого согласия. Суть насилия сводится к частоте безвыходных ситуаций в данном обществе и культуре, которая является исходным пунктом связи познания и насилия. Концептуальная тирания выражается в абстракциях и классификациях.

3. В структуре понятийного знания содержатся априорные компоненты, которые невозможно полностью устранить. Они вырабатываются и санкционируются культурой в процессе коммуникации. Культура образует контекст понятийного познания и определяет конституирующие элементы структуры знания. В социальной жизни невозможно провести строгое разделение познавательных и культурных норм. Познание есть диалог внутри и между культурами. Если нет общезначимых правил языкового поведения индивидов, участники диалога прибегают к насилию.

4. Насилие является способом вмешательства в социокультурные процессы. Оно обеспечивает инициацию, установление, стабилизацию и воспроизводство семантического консенсуса, без которого невозможны коммуникативные общнос-

ти; включение в дискурс групп, находящихся вне рамок коммуникативных общностей; является более универсальным средством по сравнению с языком, реализует коммуникации индивидов и групп, не обладающих культурной компетенцией; обеспечивает произвольное завершение познавательных дебатов, познавательный и культурный догматизм и канонизацию; становление предметов познания социальных наук, создавая «социальные факты», которые становятся «объектами исследования»; институционализацию категорий, приобретающих ранг «естественных» и «объективных». В результате данных функций возникает замкнутый круг: «власть - знание - власть», в рамках которого функции насилия являются одновременно и положительными, и отрицательными.

5. При контактах культур насилие прекращает споры путем общеобязательного определения прошлых и настоящих ситуаций. Воспроизводству культуры как когнитивно-аксиологической системы соответствуют условия когерентности, консенсуса и эмпирической чувствительности. Эти условия определяют рамки познавательной эффективности насилия. Нарушение данных условий ведет к тому, что общество и культура теряют способность самосохранения и воспроизводства. Существует отрицательная обратная связь между мерами соблюдения данных условий.

6. Институционализованное насилие в социальном познании - это средство восстановления нормативного порядка в условиях социальной дезинтеграции. Оно восстанавливает границы сфер разрешенного и запрещенного, производит отбор социальной и естественно-научной информации, определяет круг лиц, участвующих в познавательных и иных дебатах, исключает одни и создает пространство для других типов дискурса и образов мира.

7. История и современное состояние знания есть процесс с нередуцируемыми властно-политическими компонентами. Чем более они отражаются в логике, теории познания и методологии, тем менее категории данных отраслей знания являются универсальными, объективными и истинными. Однако

идеи универсальности, объективности и истинности повлияли на формы социального порядка, организации науки и эпистемологический выбор научного сообщества. Эти идеи определяют социально-философскую суть взаимосвязи насилия и манипуляции. Проблема сопротивления институционализованному насилию в социальном познании сводится к социальным условиям, при которых одни концепции приобретают статус объективного знания, легитимизируемого культурой, а другие маргинализируются и отбрасываются.

8. Естественно-научное знание вытекает из насильственно-манипулятивной «универсальности» правил рынка. Связь рынка и естествознания породила ряд социальных проблем: расширяется сфера колонизации социальной жизни путем правового регулирования и бюрократизации социальных отношений; увеличивается господство фактов и средств над ценностями и целями; растет податливость культуры на насильственно-манипулятивное (т. е. рыночное) регулирование; естественно-научное знание постоянно сужает поле сопротивления индивидов и групп насильственно-манипулятивной природе рынка.

9. Социальное знание до сих пор двигалось по тем же путям, что и естественно-научное. Комплекс социальных наук пока не смог отказаться от различных форм взаимосвязи с насилием и рынком. Современная форма социального порядка есть история выталкивания всех форм, противостоящих насилию и рынку. Сеть социальных институтов и отношений воспроизводит множество безвыходных ситуаций, стимулирующих расширенное воспроизводство насилия.

Практическая значимость исследования. Результаты работы могут быть использованы для дальнейшего развития социально-философских и научных исследований в области изучения роли социального познания в современном обществе. Обобщенный и систематизированный опыт освобождения от политического контроля научного дискурса и позитивного влияния этого процесса на плюрализм социального знания может быть творчески применен в области информационной и образовательной политики России, конституционно гарантирующей

свободу научной дискуссии. Выводы и положения диссертационной работы могут быть использованы при подготовке учебных пособий по социальной философии и философии познания, а также в системе повышения квалификации профессиональных конфликтологов и при чтении курсов и спецкурсов по социальной философии, культурологии, социологии и политологии.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования докладывались и обсуждались на III Российском философском конгрессе «Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия» (Ростов-на-Дону, 2002), Международной конференции «Проблемы международной безопасности и терроризм» (Кисловодск, 2002), Всероссийских конференциях «Насилие в современной России» (Ростов-на-Дону, 1999), «Пути формирования гражданского общества в полиэтничном Южно-российском регионе» (Ростов-на-Дону, 2001), «Цивилизация и человек: проблемы развития» (Ростов-на-Дону, 2001), «Становление нового социального порядка в России» (Краснодар, 2001), «Социальный порядок и толерантность» (Краснодар, 2002), «Федеративные отношения на Юге России» (Ростов-на-Дону, 2003), на региональных и внутривузовских научных конференциях в 2000—2003 гг. Полученные результаты исследования были апробированы автором при чтении спецкурсов для слушателей ИИПК при РГУ, студентов отделения регионоведения РГУ, курсантов Краснодарского юридического института. Результаты исследования также прошли апробацию в ходе реализации научно-исследовательского проекта по грантам: Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантности сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» (2001-2005 гг.); Российский фонд фундаментальных исследований «Федеративные отношения на Юге России: современное состояние и перспективы развития» (2003 г.). Материалы исследования были отражены в пятнадцати научных публикациях общим объемом 27,0 п.л.

Структура диссертации состоит из введения, пяти глав, одиннадцати параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложения, в котором приводятся типичные определения насилия.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, описана степень ее разработанности в отечественной и зарубежной литературе, поставлены цели и задачи, определена научная новизна, изложены положения, выносимые на защиту, отмечена научно-практическая значимость работы и перечислены акты апробации.

Глава 1 «Теоретическая интерпретация проблемы насилия в социально-философском знании» состоит из двух параграфов. 1970-1980-е гг. - период стагнации советской системы. Но в рамках этого периода задача идеологической борьбы с капиталистическими странами была важнейшим направлением деятельности КПСС. Советское обществоведение во всех составных частях (история КПСС, политическая экономика, марксистско-ленинская философия, научный коммунизм) обслуживало это направление и пыталось доказать принципиальную противоположность социалистической и буржуазной идеологии. Поэтому сформулируем вопрос от противного: есть ли нечто общее между трактовкой проблемы насилия в советской и англоязычной литературе данного периода?

Параграф 1.1 «Проблема насилия в теории социальных революций» посвящен изложению результатов исследования насилия в советской литературе. Анализируются следующие вопросы: политико-идеологическая парадигма советского обществоведения; насилие как «невидимое» явление; связь межформационной и политической революций в трактовке советских обществоведов; соотношение необходимости и случайности в трактовке насилия; господствующая тенденция и проблемный потенциал советского обществоведения. Реконструированы основные логико-теоретические контексты, в которых понятие насилия применялось для изучения исторического процесса. Выявлен статус категории «насилие» в советских концепциях социальной революции. Сформулирована исходная альтернатива: марксистская теория социальных революций должна строиться отдельно для буржуазных и социа-

листических революций или признать категории «производительных сил — производственных отношений» недостаточными для описания конкретно-исторических феноменов.

Ту же альтернативу можно сформулировать в виде вопросов: достаточна ли категория «революция» для создания достоверной теории социального развития? насколько эмпирический материал позволяет квалифицировать революции как закономерности или случайности исторического процесса?

Для ответа на вопросы требуется осмысление связи насилия со стабильным и динамичным состояниями общества. Теоретическая и политическая актуальность такого подхода подчеркивается в современных исследованиях. Существует пять загадок (парадоксов) теории революции - возникновения, мобилизации, наследия, результатов и предсказуемости революций. В диссертации детально описаны проявления этого парадокса в советской литературе по проблеме насилия в контексте теории революции. Канон советских концепций социальной революции определялся следующими положениями: 1) причина революции - противоречие новых производительных сил со старыми производственными отношениями; 2) следствие революции - смена общественно-экономической формации; 3) революция осуществляется посредством борьбы классов; 4) борьба за власть - главная проблема революции; 5) революции - «локомотивы истории».

Нетрудно заметить, что только положения 3 и 4 входят в состав положительного определения социальной революции, но сами по себе они не являются критерием отличия революции от других социальных явлений, не являющихся революциями¹. Тогда как положения 1, 2, 5 невозможно проверить эмпирически. Они имеют смысл в рамках более широкой теории. Для согласия с ними требуется признать истинность следующих посылок: развитие производительных сил-закон истории; существует соответствие между уровнем развития производительных сил и производственными отношениями; экономика

¹ Согласно классическим определениям К. Маркса, борьба классов и борьба за власть - универсальные характеристики истории.

детерминирует политику; общественное сознание детерминировано экономикой; исторический процесс прогрессивен. Каждая из этих посылок может быть оспорена. Одновременно они могут обосновывать совершенно разные теоретические и политические установки.

Описан континуум данных установок. В результате насилие в советском обществоведении рассматривалось как эпифеномен базисных социальных процессов. Для доказательства этого вывода проанализированы следующие проблемы: соотношение этимологического, диалектического и социально-исторического понимания революции; дилемма трактовки революции на основе теории общественно-экономических формаций; особенности российского логического менталитета; пространственные толкования социальной революции и их логические ошибки. И все же в этой литературе разрабатывались реальные проблемы: связь насилия с революциями, войнами и миром; множество форм социального насилия; овеществленные и знаковые формы капитала как носители социального насилия. Эти проблемы обладают универсальным значением.

Западная советология пыталась противостоять официальному марксизму-ленинизму в трактовке ключевых проблем современности. Была ли она свободна от стереотипов советской идеологии в трактовке насилия? Ответ содержится в *параграфе 1.2 «Проблема насилия в концепциях глобальной войны и международной динамики силы»*. Здесь рассматриваются следующие вопросы: соотношение силы и насилия как теоретическая и практическая проблема; понятия «гегемония» и «лидерство» в концепциях глобальной политической системы (ГПС), разработанных англо-американскими специалистами; конкурирующие подходы в описании «длинных циклов» мировой экономики и политики; проблема различия военно-политических и экономико-центрических подходов в оценке глобальной войны.

При анализе данной проблематики автор исходит из концептуализированного Х. Арендт различия силы и насилия во внутренней и внешней политике государств: «Сила и насилие

противоположны друг другу. Если правит сила, насилие отсутствует. Сила есть сущность любого управления. Насилие обладает инструментальным характером и нуждается в определенной цели для своего оправдания. Сила - это человеческая способность коллективного действия по достижению положительных целей. Сила есть честное соперничество, исключающее применение насилия. И потому она обладает освобождающим измерением. Тогда как насилие стремится контролировать человеческие общества и условия человеческого бытия»¹.

На основе этого различия подвергается критике политический реализм (Realpolitik) в его межгосударственных, внутригосударственных и революционных формах. Политическому реализму противопоставляется проблемный потенциал «исследований мира». Обсуждаются три аспекта концепций международной динамики силы: связь понятий «динамика силы» и «глобальная война»; экономические циклы как причина глобальных войн; подходы к анализу насилия в международной системе с учетом различия силы и насилия. Проанализированы концепции «длинных циклов» международной политики, разработанные зарубежными учеными Д. Модельским, Р. Джилпиным, Р. Вайриным, И. Уоллерстайном, К. Чейз-Донном на основе теории циклов Н.Д. Кондратьева. Выявлены достоинства и недостатки данных концепций.

Описана специфика экзогенного и эндогенного подхода к анализу «длинных циклов» экономического могущества и политического лидерства. Выявлена общность обоих подходов: трактовка циклов экономического роста как нерегулярных и асимметричных; асимметрия выражается в колебаниях цен, а не производства. Суммированы характерные ответы на вопрос о связи экономических циклов с глобальными войнами. Сформулирована рабочая гипотеза: глобальные войны - поворотный пункт экономических циклов, а каждая фаза экономических циклов совпадает с поворотными пунктами политических циклов. Излагаются основные результаты полемики в англоязычной литературе о логике процессов в ГПС.

¹ *Arendt H. On Violence. New York, 1969. P. 51.*

На первый взгляд, военно-политический и экономико-центрический подходы к определению логики ГПС противостоят друг другу. А по сути обладают общими свойствами: оба являются продуктами механистического восприятия социальной действительности; оба рассматривают войны как следствия структурной динамики военно-политических и экономических факторов; оба пренебрегают духовными компонентами, социальными силами и политическими решениями, направленными на сопротивление господству военно-политических и экономических структур в современном мире. Но главное в том, что оба подхода обосновывают возможность, необходимость и правомерность применения насилия в международной системе. Показана связь подходов с макросоциологическим и макроэкономическим способами теоретизирования в социальных науках, теориями равновесия и рационального выбора, проиллюстрированы их недостатки.

Данные подходы и теории не позволяют строго разделить силу и насилие. Насилие не может быть удовлетворительно объяснено без учета процессов и результатов деятельности главных государственных структур. Их сила не сводится к положению государства в структуре мировой экономики: «Процессы формирования государств, в том числе их стремление к безопасности и защите, есть история монополизации насилия. Она обычно вела к «внутренней войне» с населением данной конкретной территории, а затем превращалась во «внешнюю войну» с другими - соседними и отдаленными - государствами. В этом - суть коллективного государственного насилия»¹.

В заключении параграфа резюмированы продуктивные констатации концепций глобальной войны и международной динамики силы: государственные аппараты — главные объекты исследования при анализе феномена насилия; требуется создание комплекса социальных теорий, противостоящих интересам государственных аппаратов любых стран. Какое множество идей можно использовать для развития и аргументации данных выводов?

¹ См.: *Vayrynen R. Global Power Dynamics and Collective Violence // Vayrynen R., Senghaas D. et al. The Quest for Peace. London: Sage, 1987. P. 91.*

Глава 2 «Насилие в познании: методологические проблемы исследования» состоит из трех параграфов, содержание которых раскрывает парадигму исследования, сформулированную во введении. Напомним, что она опирается на несколько положений: о социокультурных истоках насилия; о рационально аргументированном обсуждении вопроса об оправданности насилия; о взаимосвязи насилия с рынком как форме внутрицивилизационного варварства; о кризисе макроаналитических подходов в социальных науках и необходимости использования результатов микроаналитического анализа науки для изучения взаимосвязи насилия и познания. Перейдем к детальному описанию данной тематики.

В параграфе 2.1 «Неклассическая модель изучения насилия в познании» показано, что в последние десятилетия проблема связи насилия с познанием стала предметом исследования в рамках неклассической социологии знания, социологии науки, социальной истории науки, философии науки, когнитивной психологии, микроаналитических исследований науки. Анализ группируется вокруг следующих частных, но важных проблем: насилие как категория и предмет научного познания; насилие как способ решения конфликтов различных образов мира и мировоззрений; мера эффективности насилия в манипуляции познавательными интересами и навязывании мировоззрения; влияние насилия на форму языковых игр и выбор теоретических моделей; насилие как основание социального консенсуса; влияние насилия на процессы познания и механизмы объективности знания; мера познавательной эффективности насилия; насилие как необходимый элемент социальной жизни.

В параграфе описан ряд аспектов данного процесса: увеличение публикаций по проблеме насилия; постулаты классической и неклассической социологии знания; социальные и микросоциологические исследования науки как эмпирическая реализация программы неклассической социологии знания; появление новой онтологии знания и социальной теории, для которых категория насилия является центральной.

Параграф 2.2 «Понятие насилия в познании» посвящен соотношению метафорических и понятийных конотаций категории насилия. Они рассматриваются в контексте противоположных подходов к специфике социогуманитарного знания, основных свойств категориальных игр и тенденции переопределения классических понятий в современной методологии науки, специфики дефинитивных процедур и связанной с ними речевой практики, выбора конкурирующих стратегий (определения - отказа от определения) при анализе насилия. Приведены примеры использования таких стратегий противоположными тенденциями политической мысли, описаны следствия расширения и сужения понятия «насилие».

В настоящее время метафора «насилие» используется при описании всех сфер отношений и деятельности. Она используется во множестве контекстов. Это явление отражает определенный механизм современной культуры: массовое сознание воспринимает мир социальных институтов не как объективную реальность, а как некую конвенцию. Отсюда вытекает логико-методологический парадокс: дефиниция насилия может базироваться на нормативной социальной теории, но при этом невозможно обеспечить однородное множество ее десигнатов; она может базироваться на определенной морально-познавательной ценности, но при этом невозможно учесть ее неожиданные последствия.

Для анализа данного парадокса диссертантом разработан концепт «безвыходной ситуации» для описания культурного смысла физического насилия. Насилие - это физический труд, который применяется в отношении индивидов, групп и целых обществ без их фактического или предполагаемого согласия.

Систематизированы многообразные проявления «безвыходной ситуации» - символические элементы культуры, давление, культурные факты, экономическое и символическое насилие, габитус, принудительность стиля мышления, формы исключения индивида из общины, анонимное насилие, приказ, изгнание из страны, реклама и т. д. «Безвыходные ситуации» - исходный пункт связи познания и насилия. Диссертант использует

предложенное Э. Геллнером понятие «концептуальной тирании» для описания взаимосвязи познания и насилия: «Понятия держат людей в смиренной рубашке, управляют действиями и сковывают ожидания индивидов. Подобно людям, понятия обладают стадной природой»¹. Концептуальная тирания выражается в абстракциях и классификациях. Стадная природа понятий превращает господство и знание в фундаментальные категории, определяющие социальные процессы. Поэтому возникает проблема выбора логико-методологической концепции для анализа связи познания и насилия.

В параграфе 2.3 «Объективистский и конструктивистский подходы к изучению насилия в познании» выявлена специфика двух основных моделей познания в современной методологии и философии науки — объективизма и конструктивизма.

Объективистская модель познания (ОМП) связана с определенной концепцией знания. В ее состав входят предикаты фундаментальности, онтологического реализма, эмпиризма, позитивизма, репрезентации, отражения, рациональности, историчности, эпистемологичности, модернизма и опоры на философию.

Конструктивистская модель познания (КМП) отличается антифундаментализмом, релятивизмом, постэмпиризмом, постпозитивизмом, постструктурализмом, историзмом, конвенционализмом, прагматизмом, социологизмом и постмодернизмом.

Детально описаны свойства каждой модели. Сделан выбор в пользу конструктивизма при анализе взаимосвязи насилия с познанием. Приведены аргументы, обосновывающие такой выбор. Здесь укажем только один. КМП ставит конкретные вопросы: какую роль в преобразовании интерпретаций в факты играют насилие, власть, деньги, авторитет и репутация ученых, их способность пойти на сделки с властью и совестью, множество конвенций, убеждение, внушение, риторика?

¹ Gellner E. Legitimation of Belief. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. P. 141.

Описываются общие принципы объективизма и конструктивизма, результаты спора о модели бытия и истины, различные варианты этики познания, связанные с ОМП и КМП, онтологические и эпистемологические посылки и следствия каждой модели, их связь с определенными концепциями истины, различия познавательного и социального статуса, социологические детерминанты обеих моделей и т. д.

Связь познания с насилием эмпирически подтверждается микросоциологическими исследованиями науки. Главная проблема данного направления исследований определяется констатациями: предмет познания не определяет истинность, достоверность и правильность выдвигаемых интерпретаций; дисциплинарные сообщества ученых создают интерпретации, которые трактуются как «истинные» и «обязательные» в определенных пространственно-временных условиях; критерии истинности и общепризнанности - основание консенсуса в рамках дисциплинарного сообщества. Описан социальный механизм консенсуса, показана его связь с переговорами и торгами, подвергаются критике разные варианты эволюционистских эпистемологий. Проанализированы априорные компоненты понятийного знания.

Абсолютное разделение познавательных и культурных норм невозможно. Познание - это диалог внутри культуры и между культурами. Если не существует общих правил «языковых игр», стороны диалога прибегают к насилию. Поэтому насилие играет конституирующую роль в познании.

В главе 3 «Роль насилия в социальном познании: социокультурный аспект» показано, что конструктивизм отбрасывает противопоставление природы и культуры, фактов и ценностей. Отсюда вытекает невозможность устранения метафор из процесса познания. Представления о рациональности, действительности и объективности соотнесены с культурой. Познание есть форма ориентации человека и группы в окружающей среде и сводится к упорядочиванию отношения между миром событий-объектов и событий-репрезентаций. Процесс познания протекает внутри и между коммуникативными общ-

ностями. Познание—диалог и конфликт культур, процесс изменения социальных институтов. Большинство ныне существующих социальных институтов не смогло бы возникнуть без влияния насилия.

Параграф 3.1 «Насилие в познании как способ вмешательства в социокультурные процессы» посвящен анализу роли насилия в становлении консенсуса, процессах социализации и коммуникации, производства и воспроизводства знания. На основе использования результатов культурной и социальной антропологии описаны очередность насильственных процедур, специфика светского и священного начальствования, насильственный характер первичной и вторичной социализации.

Социализация - это принудительно-насильственный процесс освоения случайного мира: «В результате социализации происходит то, что может считаться самой большой шуткой, сыгранной обществом с индивидом, - когда создается впечатление необходимости от того, что на самом деле - лишь цепь случайностей»¹. Существующий социальный мир является одним из возможных, состоит из множества конвенций и конструируется с помощью языка как определенной игры.

Систематизированы онтологические и теоретические аргументы в пользу такого понимания насилия, роль коллективного и внутреннего насилия в становлении культуры и социальной интеграции, а также социальной организации христианской церкви.

Микросоциологический анализ науки обнаружил сходство научных дискуссий с религиозными спорами и принципами организации церкви: «Результаты исследований показали, что формула «Рим сказал свое слово, дело окончено» выражает механизм завершения споров в рамках познавательной практики современного естествознания»².

¹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 220.

² См.: Collins H. Changing Order. Replication and Induction in Scientific Practice. London: Sage, 1985. P. 44.

Аналогичный механизм используется в юридической¹ и политической практике: «Решение научных споров в принципе не отличается от способов завершения дебатов на политические и моральные темы. Общее правило состоит в том, что случайные социальные обстоятельства определяют завершение научных дебатов. В этом смысле лысенковщина – частный случай политизированной науки. Авторитет науки опирается не на тексты, а на способ организации. Критика науки как специфической власти будет неполной, если мы критикуем науку только как текст. Главный вывод состоит в том, что наука как способ социальной организации не заслуживает уважения, когда она опирается на вненаучные основания»².

В контексте этого вывода анализируется идея анонимности и бессубъектности насилия Э. Дюркгейма. Показано влияние петли «власть – знание – власть» на становление политической экономики, криминологии и психологии (исследования М. Фуко). Описаны явные и латентные функции системы социальных наук, связь данных функций с объективистской идеей «незаинтересованной истины», социальные эффекты функционирования знания и процессы освоения знания. Поставлены проблемы сравнения систем знания с конкурирующими версиями, идентификации сторонников данных систем на основе учета их классового, национального, социального и политического статуса, комбинации перечисленных познавательных-практических элементов.

¹ Например, в демократических странах, включая Россию, существуют Конституционные суды, принимающие окончательные решения на основании соответствующих процедур. Почему решения считаются «окончательными»? Не потому, что в судах заседают «самые мудрые» и «самые честные» люди. Сколько угодно можно привести противоположных примеров. Значит, основанием «окончательности» является установленный с помощью насилия договор о том, что таким судам будет принадлежать последнее слово. Такой договор обладает социальным смыслом, поскольку в его глубине скрывается полицейский и солдат-обладатели палки и автомата. Наличие данных профессиональных групп в распоряжении государства и их обязанность действовать по приказу придает «окончательность» судебным решениям.

² См.: *Fuchs S. The Professional Quest for Truth: A Social Theory of Science and Knowledge.* Albany: SUNY Press, 1992. P. 18.

В результате действия данных феноменов возникает замкнутый круг «власть - знание - власть». Все указанные объекты, функции и элементы могут оцениваться положительно и отрицательно одновременно. Какова роль культуры в этой диалектике?

Ответ содержится в *параграфе 3.2 «Когнитивная эффективность насилия в познании социокультурных систем»*. Рассмотрены отношения между открытыми и закрытыми культурами, насилием, нормативным порядком и дискурсами. Сформулированы условия когерентности, консенсуса и эмпирической чувствительности, которым должно соответствовать воспроизводство культуры как когнитивно-аксиологической системы. Указанные условия определяют рамки познавательной эффективности насилия. Нарушение данных условий ведет к тому, что общество и культура теряют способность самосохранения и воспроизводства. Сформулирована гипотеза об отрицательной обратной связи между мерами соблюдения данных условий, описаны формы ее проявления. Показано, что все монотеистические религии несут ответственность за применение и легитимизацию насилия.

«Социальная объективность» — это экономическое, моральное и телеологическое насилие. Оно порождено внешними рамками человеческой деятельности. Требуется постоянной реструктуризации сознания, поскольку ни одному индивиду, группе и обществу не удалось преодолеть разрыв между намерениями и последствиями: «В человеческом опыте объективный факт есть нечто такое, по отношению к чему у индивида нет выбора, или же то, что навязывает ему строго определенный выбор. Например, гравитация есть закон природы и в то же время социальный факт, который обойти невозможно»¹. Насилие тоже невозможно обойти. В опыте и сознании человека оно приобретает статус «объективного факта», целиком или частично лишая человека выбора. Следовательно, насилие и установленный на его основе консенсус — более фундаментальные категории по сравнению с «объективностью».

¹ См.: *Berger P. Pyramids of Sacrifice: Political Ethics and Social Change.* New York: Anchor Books, 1976. P. 259.

Перечисленными характеристиками не исчерпывается роль насилия в познавательных процессах. Оно связано с истоками познавательного отношения. Эта проблема обсуждается в главе 4 **«Роль насилия в социальном научном познании: социально-политический аспект»**.

К настоящему времени в культурной антропологии, социальной истории, неклассической социологии знания и исторической психологии накоплено множество данных, из которых вытекает: эпистемологическое отношение не принадлежит к универсалиям культуры; понятийное познание не является единственно эффективным способом познания; существуют другие способы ориентации общества в среде. Эти выводы позволяют *пересмотреть традиционные убеждения*: знание выражается в языке и отличается от мира как предмета знания; язык-знание репрезентирует мир; с помощью языка-знания можно обнаружить неизвестные свойства мира. В главе излагаются некоторые результаты пересмотра.

В параграфе 4.1 «Власть и легитимация насилия в науке» показано, что в конструктивизме действительность (объект), индивид (субъект) и знание (язык) не рассматриваются как универсальные и объективные факторы, независимые от истории и культуры. Указанные элементы эпистемологического отношения - продукты социально-исторических и культурных процессов: «Здесь мы имеем дело с определенной конфигурацией культуры. Эта конфигурация не является системой, в которой месторасположение человека устанавливается фактом его биологического рождения. Конфигурация культуры - это форма организации духовного и телесного пространства, которые формировались в длительном и болезненном процессе культурных изменений. На основе современного антропологического и исторического знания этот процесс нельзя считать закономерным и необходимым. Он был скорее исторической возможностью, которая осуществилась благодаря особому и случайному стечению обстоятельств. Во многих существенных аспектах такое стечение было маловероятным»¹. Если ради-

¹ См.: Woolgar S. Knowledge and Reflexivity: New Frontiers in the Sociology of Knowledge. London: Sage, 1988. P. 72.

кализировать приведенное положение, познание есть случайное явление. Аргументация данного вывода ведется в двух направлениях.

Первое связано с обнаружением зависимости генезиса дихотомии «индивид-общество» от структур власти: «Эта дихотомия по генезису является этноцентрической. Она возникла на основе многовекового опыта структур государственной власти, располагающей насилием как главной санкцией. Если общество пользуется другими видами санкций и базируется на других социальных отношениях, оно совершенно иначе концептуализирует отношение "индивид-общество"»¹. Иными словами, современное представление о суверенном познающем субъекте есть продукт эволюции структур власти, монополизирующей право на применение насилия.

Второе направление сопряжено с обсуждением вопроса: каков онтологический и культурный статус истины и связано ли ее открытие с насилием? Рассмотрена одна из современных концепций, изложенная в книге П. Дюбуа «Пытка и истина». Цель ее анализа — описание социальных структур и исторических процессов, в которых возникло философское представление об истине. А главный вывод состоит в следующем: понятие и способы получения истины, а также критерии отличия истины от лжи есть следствие применения пыток. Эта практика в Древней Греции была институционализированной и применялась в отношении рабов. Поэтому практика пытки неотделима от открытия истины.

Реконструированы основные линии рассуждения и доказательства общего положения: «Наша цивилизация не просто базируется на варварстве, а является постоянным воспроизводством варварства. Подвергаемый пытке человек может быть негром, коммунистом, революционером, троцкистом, диссидентом, представителем сексуальных меньшинств и т.п. Суть дела от этого не меняется - пытка всегда сводит отличие данного человека от других к факту применения пытки. Все под-

¹ *Strathern A.* The Structure of Folk Models of Thought. London: Academic Press, 1981. P. 74.

вергаемые пыткам люди превращаются в других людей или рабов. А господами выступают не столько непосредственные палачи, сколько их институционализованное воплощение в виде военно-репрессивных аппаратов государств. Таков внутренний смысл диалога палача и жертвы - оба связаны платоновско-хайдеггеровской концепцией иерархии истины и знания»¹.

Кроме того, изобретение денег способствовало появлению лжи и ее комбинациям с истиной во множестве социальных ситуаций и институтов. Деньги связали экономические процессы с политическими и обеспечили переплетение лжи с насилием. Комплекс «истина — насилие — деньги — язык - ложь» - одна из важнейших конфигураций культуры. Эта конфигурация воспроизводится до настоящего времени.

В результате институциональная структура современных индустриальных и постиндустриальных обществ стимулирует насилие. Отношение людей к природе выражает доминирование материальных ценностей над духовными. Асимметрия ценностей порождает идеологическую легитимизацию насилия как средства решения экономических, социальных и политических проблем. Наука стала элементом данного процесса.

Его аспекты рассматриваются в **параграфе 4.2 «Насилие и манипуляция научным знанием»**. Если консенсус - продукт насилия, то мир включает следующие виды фактов: относительно которых существует социальный консенсус; относительно которых консенсуса нет, но в принципе он возможен; относительно которых консенсус невозможен. К какому виду фактов отнести манипуляцию людьми и какова роль науки в ее становлении и распространении?

¹ Dubois P. Torture and Truth. New York: Routledge, 1991. P. 153. Следует отметить, что П. Дюбуа обходит тему, намеченную в воспоминаниях М. Волошина о гражданской войне в России: «Молятся обычно за того, кому грозит расстрел. И это неверно: молиться надо за того, от кого зависит расстрел и от кого исходит приказ о казни. Потому что из двух персонажей - убийцы и жертвы - в наибольшей опасности (моральной) находится именно палач, а совсем не жертва» (Волошин М. История моей души. М.: Аграф, 1999. С. 333). Однако сравнительный анализ практики применения пыток в Древней Греции и России (которая обладает поистине «бесценным опытом» такого рода) и влияние данной практики на европейское и русское понимание истины выходит за рамки нашего исследования.

При ответе на вопрос анализируются следующие проблемы: деление современной науки на естественно-научные и социогуманитарные дисциплины; представление об объективности, универсальности и практической приложимости естественно-научного знания; убеждение в том, что история и современное состояние социальной мысли есть цепь ошибок и неудач; варианты объяснения факта дифференциации науки и их комбинации; связь институциональных механизмов социальной манипуляции с природой естественно-научного и социогуманитарного знания; причины различия культурного статуса естественно-научного и социогуманитарного знания; понятия «взаимозависимость» и «неопределенность задач», сформулированные в микроаналитических исследованиях науки для объяснения специфики разных видов знания; связь рутинизации научной деятельности со способом организации науки и типом социальной организации в целом; роль теологии в становлении современной науки; механизмы влияния культуры на научный процесс и т. д.

В конечном счете, сила естественно-научного знания (провозглашенная в максиме Ф. Бэкона «Знание - сила») объясняется его связью с вненаучными институтами. Рынок - это специфическое культурное пространство, навязывающее людям определенные формы социального порядка¹. Насилие - необходимый элемент данного порядка. Поэтому можно исходить из органической связи рынка и насилия.

Этот вывод детально обоснован в **главе 5 «Колонизация социальной жизни утилитарным знанием и современные проблемы насилия в познании»**. Автор исходит из того, что всякое использование и применение нового знания есть вмешательство в социальную жизнь. Общество — это множество сфер, которые по-разному реагируют на изменения. Одни сферы поддаются, другие сопротивляются изменениям. Каковы условия допустимости и желательности изменений в социальной жизни?

¹ См.: *Хиршмаи А.* Рыночное общество: противоположные точки зрения // Социологические исследования. 2001. № 3. С. 43-53.

Поставленный вопрос вводит исследование в дискуссионную область теории культуры. В параграфе 5.1 «Насилие, рынок и социогуманитарное знание — проблема синтеза» излагаются основы социально-регулятивного подхода к анализу культуры. Он служит базисом обсуждения конкретных проблем: культура и проблема толерантности; проблема сходства политической и научной деятельности; секуляризация как процесс подрыва социальных авторитетов; рынок как синтез насилия и манипуляции; роль науки в данном синтезе.

В микроаналитических исследованиях науки выделяют три способа внедрения инноваций:

избирательный, когда члены общества обладают выбором в применении или отбрасывании инноваций;

коллективный, при котором воля большинства служит условием внедрения инноваций;

авторитарный, когда все инновации навязываются сверху государственной властью и связанной с ней наукой¹.

На основе данной классификации в любом обществе можно выделить утилитарно-техническую культуру (УТК) и символическую культуру (СК). В УТК правила и нормы сохраняют эффективность независимо от осознания и соблюдения членами общества, поскольку данные правила и нормы служат средством достижения определенных целей. В рамках УТК инновации внедряются в социальную жизнь независимо от оценок и знания членов общества. Правила и нормы СК эффективны только при условии их известности и соблюдения членами общества. В СК внедрение инноваций невозможно без согласия членов общества. Элементы УТК слабо связаны между собой и могут безболезненно меняться. Правила и нормы СК переплетены с социальными авторитетами, смыслами, правами и идентичностью индивидов.

На основе анализа ряда аспектов проблемы сделан вывод: естествознание занято интерпретацией той сферы социального опыта, который выражается (конституируется) правилами

¹ См.: Rogers E. Diffusion of Innovation. New York: Free Press, 1983. P. 29-30.

ми и нормами УТК; социогуманитарное знание выражается (конституируется) в правилах и нормах СК. Правила и нормы УТК можно менять незаметно и не интересоваться мнениями членов общества. Правила и нормы СК не могут меняться без одновременного преобразования культурного пространства. Поэтому проблема различий социального статуса естественно-научного и социогуманитарного знания может анализироваться с учетом теории культурных инноваций. Она позволяет существенно углубить эпистемологическую и социологическую интерпретации знания. Современная индустриальная и постиндустриальная культура допускает изменение сфер, альтернативу которым предлагают естественные науки. Одновременно эта культура отличается нетерпимостью в отношении концепций социогуманитарных наук.

Для доказательства этого положения использованы результаты микросоциологического исследования организационных форм науки¹. Естествознание колонизировало общество и культуру путем создания систем закрытого типа. Социогуманитарное знание не в состоянии этого сделать. Обсуждаются исторические, социальные, политические и культурные аспекты процесса, который обеспечил связь естествознания с насилием и рынком.

В диссертации показано, что рынок не является универсальным институтом всех обществ. Вопреки взглядам целых поколений либеральных экономистов, рынок есть патология человеческой природы. Рыночное общество возникло в результате уникального комплекса социально-исторических обстоятельств: «Этот комплекс сложился один-единственный раз в истории в одной точке земного шара. Он воплотил только одну из многих исторических возможностей. Склонность к торговле и обмену не есть врожденное свойство человеческой природы. В большинстве исторических эпох крайне мало людей было заинтересовано в купле-продаже, если они не подвергались принуждению и насилию»².

¹ См.: *Lalour B.* The Pasteurization of France. Cambridge: Harward University Press, 1988.

² См.: *Sleensgaard N.* Violence and the Rise of Capitalism. New York: Free Press, 1981. P. 272.

Органическая связь насилия и рынка зафиксирована во множестве работ по социальной истории, исторической и экономической социологии. Рынок создал и ускорил процессы колонизации социальной жизни. В диссертации описано множество форм обслуживания естественными науками связи насилия и рынка. Систематизированы социальные проблемы, порожденные насильственно-когнитивно-рыночным комплексом. Показана опасность движения социогуманитарного знания в направлении взаимосвязи с насилием и рынком.

Параграф 5.2 «Перспективы решения проблемы насилия в познании: возможности теоретической интерпретации» посвящен обсуждению перспективы общества без насилия и разработке теории насилия. Если судить по нынешней ситуации, социальная теория не дает положительного ответа на вопрос о возможности исключения насилия из общественной жизни. Она скорее склоняет к выводу о неизбежности насилия. Но это не исключает поиск средств устранения насилия из человеческой жизни.

Как известно, форма социальной теории зависит от поставленных целей и вопросов. На этом пути надо отбросить концепции, которые выводят насилие из неизменной «человеческой природы», независимо от понимания ее по биологическим, психологическим, расовым, этническим и национально-государственным канонам. Источники и причины насилия коренятся в обществе и истории. Социально-исторические, утилитарно-технические, когнитивные и культурно-символические формы насилия - предикаты любой формы общественной жизни. Оценка истинности (ложности) данного положения может быть только опосредованной. Без анализа объяснительного и эвристического потенциала теории, построенной на основе указанного положения, такая оценка беспредметна. Однако изменчивость насилия во времени и пространстве можно зафиксировать эмпирически, на основе непосредственного опыта и знания истории. Следовательно, попытка создать концепцию на базе данного положения правомерна.

Проблема возможности общества без насилия связана с разработкой определенной теории. Она должна объяснять прошлое и выдвигать гипотезы о будущем. На основе проведенного анализа диссертант полагает, что развитие науки и техники создаст множество новых средств насилия и форм его применения. А социальное развитие приведет к новым формам общественной жизни, включая новые потребности и ценности. В настоящее время возникают новые свойства, источники, закономерности, сферы применения и формы проявления насилия и манипуляции. Требуется их теоретическое освоение. Теория насилия предполагает систематизацию данных явлений. Она может формулироваться пока в общем виде. Язык данной теории не может быть более конкретным по сравнению с теориями, которые объясняли прошлые формы бытия и применения насилия. Не исключено, что с точки зрения будущего историка этот язык и связанные с ним проблемы покажутся абстрактными. Но без них обойтись невозможно.

В параграфе дан очерк некоторых понятий разрабатываемой автором теории насилия. Выделены и описаны непосредственное и опосредованное насилие, показана связь теории насилия с онтологией социального бытия Г. Лукача, введено различие между трудом и потреблением. На этой основе конкретизировано исходное определение: насилие есть основа разных типов потребления и труда.

Проблематика теории насилия группируется вокруг вопросов: какие типы потребления и труда базируются на насилии? по какой причине они опираются на насилие? существуют ли только насильственные действия? какова связь между разными типами насильственных действий?

Далее обсуждается связь и конфликт насилия с другими потребностями человека и действиями по созданию потребностей. Описаны предметы, продукты, средства, рабочая сила и идеально-целеполагающие моменты труда в форме насилия. Разработаны понятия регламентирующего труда, стимулирующей и угнетающей регламентации и рассмотрена роль насилия в каждом типе регламентации. Предложена классификация ви-

дов регламентации на основе действия, на которое она направлена. Описаны внешняя, внутренняя структура и качество рабочей силы регламентирующего труда, наиболее распространенный тип личности, занятый в этой сфере. Проанализирована связь насилия с социальным и профессиональным разделением труда, абстрактным и конкретным трудом. На этой основе разработана типология обществ в соответствии с мерой распространения насилия.

В конечном счете, эффективность насилия зависит от сложности труда, по отношению к которому оно применяется. Чем сложнее труд, тем неэффективнее становится непосредственное насилие. Усложнение труда в обществе одновременно расширяет сферу манипуляции, т. е. опосредованного насилия. Процессы, формы и результаты социальной борьбы внутри аппарата насилия особенно репрезентативны для разработки теории насилия, поскольку такая борьба включает множество косвенных и опосредованных форм насилия, включая идеологическое насилие¹.

Таким образом, теория насилия входит в состав социальной теории. Для ее разработки требуется интеграция знания о насилии как многоаспектном феномене социально-исторического бытия.

В заключении подводятся итоги работы, показаны основные направления дальнейшего исследования проблемы насилия в социальном познании. В частности, подчеркивается, что насилие сыграло значительную роль в генезисе и конституировании предмета и субъекта научного познания. Следовательно, категория насилия входит в структуру теории познания, философии и методологии науки. Такой подход позволяет вычлениить и детально изучать нетривиальные проблемы. Морализаторский, юридический и политический подходы к насилию не исчерпывают сложность данного феномена. Насилие не может считаться однозначно негативным явлением.

¹ Первые исследования такого типа уже появились. См.: *Оников Л.А.* КПСС: анатомия краха. Взгляд изнутри аппарата. М., 1997.

В **приложении** систематизированы наиболее распространенные определения насилия.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Монографии

1. *Агафонова М.Ю.* Проблема насилия в познании. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. 9, 8 п.л.

2. *Агафонова М.Ю.* Роль насилия в социальном познании: социокультурный и социально-политический аспекты. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. 5,0 п.л.

Статьи, брошюры

3. *Агафонова М.Ю.* Познавательное фиаско: проблема насилия в советской литературе 1970-1980-х гг. М.: АНО РЖ «Соц.-гуманит. знания», 2000. 1,6 п.л.

4. *Агафонова М.Ю.* Поиск условий мира: проблема насилия в англоязычной литературе 1970-1980-х гг. М.: АНО РЖ «Соц.-гуманит. знания», 2000. 1,3 п.л.

5. *Агафонова М.Ю.* Взаимосвязь насилия и познания. М.: Независимый открытый ун-т, 2001. 1,8 п.л.

6. *Агафонова М.Ю.* Модели познания феномена насилия. М: Независимый открытый ун-т, 2001. 1,8 п.л.

7. *Агафонова М.Ю.* Влияние социальное // Социология: Краткий тематический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2001. 0,3 п.л.

8. *Агафонова М.Ю.* Всеобщность и когнитивная эффективность насилия. М: Социально-гуманитарные знания, 2002. 1,5 п.л.

9. *Агафонова М.Ю.* Проблема насилия в советской и англоязычной литературе и ее роль в историческом процессе // Антитеррор. 2002. № 1. 0, 6 п.л.

10. *Агафонова М.Ю.* Социополитические аспекты гносеологического выбора анализа феномена насилия. М: Социально-гуманитарные знания, 2002. 1, 0 п.л.

11. *Агафонова М.Ю.* «Безвыходные ситуации»: взаимосвязь познания и насилия: Гуманитарный ежегодник. 2003. № 2. Ростов н/Д: РГУ, 2003. 0,5 п.л.

12. *Агафонова М.Ю.* Общество, культура и проблемы познавательной эффективности насилия // Пути формирования гражданского общества в полиэтническом Южно-российском регионе. Ростов н/Д: РГУ, 2001. 0, 3 п.л.

13. *Агафонова М.Ю.* Общие тенденции насилия // Философия права и вопросы формирования современно-правовой идеологии. Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2001. 0, 3 п.л.

14. *Агафонова М.Ю.* Насилие и социум (как аргумент создания теории насилия) // Социальный порядок гуманистическому развитию общества. Краснодар: КЮИ МВД России, 2001.0, 3 п.л.

15. *Агафонова М.Ю.* Познавательная эффективность насилия (социально-философский аспект) // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: III Российский философский конгресс. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦВШ, 2002. Т. 3.0,2 п.л.

16. *Агафонова М.Ю.* Роль насилия в становлении федеративных отношений на Юге России //Федеративные отношения на Юге России: современное состояние и перспективы развития. Ростов н/Д: РГУ, 2003. 0, 3 п.л.

17. *Агафонова М.Ю.* Формирование консенсуса// Социальные технологии: теория и практика: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. СПб., 2003. 0,3 п.л.